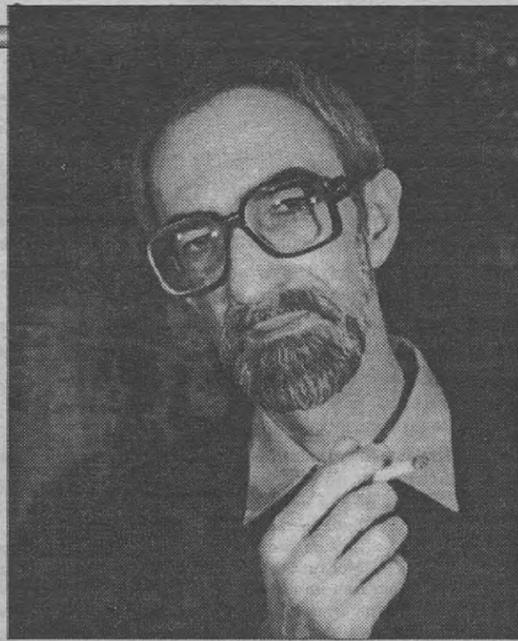

Впервые Бориса Аркадьевича ГОРЗЕВА я увидела и услышала в Доме-музее Марины Цветаевой. О этом чудесный музей! Сколько встреч состоялось в нем, сколько открытий было сделано! Сначала, весной 1996 года, прошел поэтический вечер Горзева, а потом, 6 июня, - вечер пушкинский, где Борис Аркадьевич читал свои психологические этюды, посвященные великому поэту. Это было так неожиданно, так интересно - сразу же захотелось познакомиться с автором. Мы договорились о встрече. Я пришла к Борису Аркадьевичу в теплый летний день. Может быть, впервые в жизни недолго искала переулочек, в котором он живет. Итогом встречи стала эта беседа.

Теплый переулок

- Борис Аркадьевич, давайте начнем с вашей биографии. Представьтесь, пожалуйста, нашим читателям.

- Начну с самого главного. Несколько лет назад, в начале 90-х, когда меня стали печатать, случилась такая история: мою достаточно крупную вещь - повесть «Перевал» - опубликовал журнал «Знамя». Меня попросили написать стандартную справку: где родился, что окончил, что было опубликовано... Я все это написал, а в конце сделал приписку: «Женат, двое детей». Мне сказали: «Ну вот этого не надо». Я: «Как не надо, когда это самое главное?» Самое главное, по-моему, у человека в жизни, независимо от его предыдущей биографии, - дети. Ну а формально: родился в Москве, в Хамовниках, о которых много писал. После окончания школы у меня был очень тяжелый внутренний выбор. В принципе я хотел сразу заниматься литературой - идти либо на филфак, либо в Литературный институт. Уже тогда литература была, пожалуй, самым главным для меня. Писать начал, как и все, в юности, но, в отличие от многих, это занятие не бросил. Писал я довольно странно - параллельно в двух жанрах - стихи и рассказы, то есть поэзию и прозу, чем я занимаюсь и до сих пор. Печатаю же меня начали как прозаика и узнали как прозаика.

Я отвлекся. Родные убедили меня, что сначала надо поиметь «профессию» более жизненную. И, поскольку моя семья врачебная, говорили поступить в медицинский институт. На 4-м курсе я увлекся генетикой, хотя в те годы у нас в институте ее совершенно не преподавали. Мы застали тот переходный период, когда слово «генетика» уже не было ругательным, но ее еще, так сказать, в обращении не вводили. И вот я полуподпольно увлекся генетикой. После окончания вуза мечтал попасть в научный институт, где я бы мог ее заниматься.

Однако в силу определенных причин пришлось начать свою трудовую деятельность обычным врачом. Прошел все - работал и в поликлинике, и на «Скорой», и в очень тяжелом стационаре. По своей специализации я был психоневрологом, параллельно с этим занимался психологией. Потом мне все-таки удалось попасть в генетический институт - взяла меня старшим лаборантом. В этой науке я пробыл больше 15 лет: стал старшим научным сотрудником, защитил кандидатскую диссертацию, готовил докторскую... Опубликовал научные работы и у нас, и за рубежом. В хорошем смысле - стандартный путь стандартного ученого.

Но надо было выбирать, потому что днем я занимался наукой, а по ночам - литературой. И длилось это довольно долго. Ну и еще семья. Получалось, я одновременно работал на трех «ставках». Наступил момент, когда я понял, что просто физически не справлюсь. И возразил - за сорок. Бросить литературу я не мог (кстати, многое из того, что сейчас у меня публикуется, было написано именно в те годы). А в науке тогда сложилась очень тяжелая ситуация, которая отнимала много нервов. Был начальный этап перестройки, когда везде началась борьба. К сожалению, наш институт не избежал этой печальной участи.

Это и определило мой окончательный выбор. Риск был колоссальный - ведь я остался «на нулях», без зарплаты. Стал в полном смысле этого слова безработным. Это было ближе к концу 80-х. Начал ходить по редакциям, поскольку написано было уже достаточно. Раньше никогда этим не занимался. Можете себе представить - моя первая крупная вещь была опубликована в 91-м году, когда мне исполнилось 47 лет. А до этого - одно-два стихотворения.

- А что представляет собой ваша повесть «Перевал»?

- Для меня это была особенная вещь. Тогда прозвучали первые «звоночки» - о будущих страшных событиях. Уже произошла кровавая драма в Сумгаите. Но в целом Кавказ еще не польхал. Как говорят, у людей творческих, пи-

сателей, поэтов, есть предвидение, провидение. Вещь получилась какая-то странная и очень трагичная, потому что я там, сам того не желая, многое предсказал. Если ее прочитать сейчас, возникает ощущение, что это и происходит сейчас - например, в Чечне. А я никогда раньше в этом жанре не писал. Моя проза обычно психологическая, философская, а здесь получилось нечто ирреальное, полумистическое, с элементами чуть ли не детектива или боевика. И поскольку вещь серьезная, динамичная, за нее схватились. После этого в другом журнале была опубликована еще одна повесть, которую я написал очень давно. Она связана с декабристами и Пушкиным. В Петропавловской крепости сидит ожидающий приговора декабрист, совершенно реальный персонаж - Николай Сергеевич Бобрищев-Пушкин. Я много читаю о декабристах, всегда интересовался Пушкиным. Вот, видите, шкаф с книгами. Все это - «оттуда».

Так появилась повесть «Бобрищев-Пушкин 1-й». Потом была опубликована еще одна повесть, потом рассказы. Потом издательства стали разваливаться. У меня так и не опубликован роман, принятый когда-то в «Советский писатель».

Однако публикации не давали возможности заниматься только сугубо профессиональной литературной деятельностью и обеспечивать себя. Это совершенно закономерная ситуация - мы знаем, что и на Западе то же самое: только нобелевские лауреаты могут сидеть за письменным столом и никому больше не ходить. Нужно было куда-то устраиваться. У меня давно сложились хорошие отношения с журналом «Химия и жизнь». В нем всегда публиковалась хорошая литература. Однажды, по-моему, году в 92-м, я туда что-то принес, и главный редактор пригласил меня у них работать. Сегодня я курирую в журнале литературный отдел. Есть специфика - «Химия и жизнь» всегда любила фантастику, поскольку она между наукой и литературой. Всегда публиковала хорошую поэзию и «обычную» хорошую прозу. Я редактирую материалы, связанные и с моей прошлой профессией, - по генетике, биологии. И поскольку в научном мире у меня много друзей - ученых, я их приглашаю писать для журнала. Так что сегодня я, можно считать, обеспечен: получаю два раза в месяц зарплату, пусть маленькую.

Так что формально я вам свою биографию рассказал. Но биография всякого человека - это отдельный роман, и если рассказывать о себе по-настоящему, то потребуется не один день, и у нас времени не хватит. Конечно, какой-то специфический взгляд на мир дает образование; недаром, скажем, из медицины вышло много литераторов: Чехов, Вересаев, Булгаков, Григорий Горин. Тем более мое образование - неврология, психология, психиатрия - дает возможность видеть некоторые вещи с определенной стороны. Поэтому я благодарен всем тем этапам, которые у меня были раньше: они дали мне базу и научную, и человеческую.

Плюс к этому была и остается огромная любовь к путешествиям. Мы много путешествуем. Видите - показывает на стены - это фотографии моего друга. Он работает на телевидении. Север, река Волхов, Омега, Чудское озеро... Пока я работал в научном институте, были очень интересные экспедиции и командировки - на Дальний Восток, в Среднюю Азию. Меня привлекали плоты, байдарки - все классическое, туристское. Мы ведь выросли в такое время, когда развлечений было мало. Летом рюкзаки на плечи - и вперед.

- А как вы работаете над своими произведениями?

- У каждого литератора своя внутренняя «кухня», где «перемалывается» и личный свой опыт, и опыт мировой. Конечно, мой учитель - великая литература. Мне ближе русская, меня даже поругивают за то, что я пишу каноническим, классическим стилем, что я консер-

вативен в своей языковой стилистике. Все современные течения - андеграунд, модернизм - это не мое. Я вырос на русской классике.

- В вашей семье любили читать?

- Конечно, я рос в типично интеллигентском доме. Наша семья не избежала всех сложностей и кошмаров времени: дед был репрессирован, мама пострадала по «делу врачей», правда, слава Богу, легко отделалась. В детстве и я хлебнул всего, впитывая все это. Многие сюжеты - из детства, хотя это не значит, что эксплуатируется биография.

Один мой друг прочел «Перевал». Звонит: «Ты что, там был?» Я там не был. Это уровень моделирования. Ведь большинство писателей и поэтов все, что они описывают, пережили за столом. И это то, что отличает писателя от графомана - писатель может выйти на этот уровень и жить жизнью, которой он не жил.

Я начинаю писать, придумывать героев, в дальнейшем они будут как-то взаимоотношиться и что-то такое делать, а я - только записывать. Возникает какая-то идея, горячая точка сюжета, и вы понимаете, что вокруг этого что-то будет происходить. Вас куда-то ведет. Так же и в поэзии.

Может быть, это связано с тем, что у меня странное сочетание поэтического и прозаического. Пастернак когда-то написал прозаическую вещь, его похвалили, а он: «Да, но вы забудьте, я еще и лирик!» Задача в том, чтобы не смешался «белок» с «желтком», ведь поэзия и проза - это совершенно разные способы видения.

- Традиционный вопрос: ваше отношение к нынешнему времени?

- Как говорят: «времена не выбирают». Что же жаловаться? Но тем не менее время нелегкое. Мы переживаем очередную слом, и в том числе слом культуры, потому что ценности, которые востребовались даже в тяжелейшее советское время - власть, народом, аудиторией... - сейчас не нужны. Происходит смещение акцентов. Парадокс многих литераторов (и меня в том числе) - раньше нас не печатали по одним причинам (политическим, социальным) или печатали реже. Теперь редко печатают по другим причинам. Востребованность в высокохудожественной литературе очень мала. Говорят: «Ну начал бы ты писать детективы!» Я не умею писать детективы! Я умею писать только то, что умею. Переделывать себя не могу и не хочу - мне, может быть, нахально кажется, что то, что я делаю, таким и должно быть.

«Толстые» журналы тоже в кризисе. Лет десять-пятнадцать назад публикация в таком журнале была своеобразным трамплином. А сейчас? Я опубликовал в «толстых» журналах три-четыре повести. Публиковался и за границей. И что? Никто меня не знает, кроме узкого круга людей. Мы в вакууме.

Дело даже не в славе. Вас никто не знает - у вас нет имени. Мне говорят: «Мы не можем вас опубликовать - мы не делаем на вас прибыли!» И получается замкнутый круг: «Вас не печатают, потому что вы неизвестны, а неизвестны вы потому, что вас не печатают».

Я сделал серию передач на «Радио России» под названием «Мои любимые поэты». Я очень люблю поэзию и люблю рассказы о любимых поэтах. Сколько я на радио убеждал, что нужна такая передача! Никому это не интересно. Дали, наконец, эфирное время - вышло пять передач - о Юрии Левитанском, Николае Рубцове, Евгении Клячкине, Павле Когане, Юрии Рыженцеве. Но на этом все и кончилось - наступила очередная президентская гонка, и стало не до поэзии.

Получил колоссальное удовлетворение, потому что говорил о любимом. Левитанский, кстати, дал мне пропуск в литературу. Мне было 24. Я пришел к нему, пересилив робость. Принес стихи. Юрий Давыдович сказал: «Если бы я был редактором «толстого» журнала, то я бы ни одно ваше стихотворение не опубликовал. Но если бы я был ректором Литературного инсти-

тута, я бы принял вас без экзаменов». Я от него улетел как на крыльях!

- А как вы пришли к Пушкину?

- Помогло осознание, что Пушкин - не только великий поэт, но и великая личность. Потом я люблю людей чистых, светлых, классически гармоничных. Такая чисто интуитивная тяга. Поэтому в молодости мне были тяжелы Гоголь и Кафка...

- Как вы относитесь к публикациям - в последнее время их много - что почти все писатели ненормальны?

- Это было, есть и будет - писатели с пограничным состоянием. Я писал об Андерсене - речь как раз об этом. Он был человеком с очень специфическим психотипом, своеобразно видел мир, поэтому такие сказки. Сейчас очередная мода - найти у всех все. И у Пушкина - тоже. У него, как и у любого человека, были свои особенности. Я изучал его родственников - я же по образованию генетик! - и могу сказать: он великий, и он - нормальный. А у Андерсена была психопатия. Ну и что? Достоевский страдал тяжелой формой эпилепсии, поэтому обладал специфическим восприятием мира. Он извлек из подсознания все самое мрачное. Выдающийся генетик В.П.Эфроимсон говорил, что Достоевский - «Колумб черных импульсов». Должен был быть кто-то, кто это увидел! Должно быть, всё. Не надо только смаковать.

- И все-таки кто ваш любимый писатель?

- Перечислять можно бесконечно. Люди изменяются. Скажем, все мы начинали с Лермонтова и Есенина. Потом - Пушкин. Кто-то увлекается новым, а старое стирает, как на магнитофонной пленке, а кто-то остается верен прежним вкусам. В поэзии - Бродский, конечно. Левитанский, естественно, серебряный век - Пастернак, Мандельштам, Ахматова, Цветаева. Еще Блок, Маяковский. Иосиф Бродский сказал: «Пока существует русский язык, поэзия обречена на существование». Двадцатый век дал великие имена. Прекрасно, что мы живем в мире, где есть такая поэзия.

Наталья САВЕЛЬЕВА

Фрагменты психологических этюдов вы сможете прочитать в ближайших номерах «УТ».

Из «Пушкинского цикла»

Болдино, 1830-й
Участь моя решена. Я женюсь...

А.С. ПУШКИН

30-й год. Холерные посты.
В Москве невеста, будущая теща.
Все то же самое: уж отряхает роца
с нагих ветвей последние листья.

Вороний грай. Тумана пелена.
Обжитый дом, а будто одиночка.
Стихи, поэмы... Лишь вот эта строчка:
что женится... и участь решена...

Кто виноват: он сам? или жена?
Иль этот снег, ложащийся на озимь?
Еще светлеет болдинская осень,
а участь - уж известно - решена.

Еще семь лет: семья, дуэль, долги,
цензура, царь, сужденья пустослова,
незавершенная «История Петрова»,
но боли завершённые круги...

Вот так в любви, чьи помыслы чисты,
к своей судьбе летишь, пред тем намучась,
и принимаешь собственную участь!
хоть ставь вдвойне холерные посты!

1993

NB!

ГОРЗЕВ Борис Аркадьевич (род. в 1944), москвич, врач по образованию, ученый-генетик, кандидат наук. С конца 80-х - профессиональный литератор. Автор повестей «Перевал» (журнал «Знамя», 1991, № 10), «Бобрищев-Пушкин 1-й» («Согласие», 1992, № 3), «Ведьмица» («Дружба народов», 1994, № 2). Публиковал стихи, рассказы, очерки в журналах «Октябрь», «Дружба народов», «Wież» (Польша), «Химия и жизнь», в газетах «Совершенно секретно», «Московские новости» и др. Автор серии передач о А.С.Пушкине и «Мои любимые поэты» на радиостанциях «Эхо Москвы» и «Радио России». На днях вышел сборник стихов Б.Горзева «За Ойкуменой». Подготовлены к печати: сборник повестей и рассказов «Теплый переулок», цикл повестей «Страсти поздних времен», а также книга о Пушкине - сборник статей, который представляет собой научно-литературное расследование, связанное с фактами из жизни Пушкина и его окружения (темная история исчезновения дуэльного сюртюка Пушкина, тайна его дуэли, тайна его гения...), несколько психологических этюдов.